

УДК 343.162

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУДЬИ ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Н. К. Панько

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 февраля 2011 г.

Аннотация: рассматриваются вопросы нормативного регулирования ответственности судьи при принятии решения по уголовному делу. Автором проанализированы действующее уголовно-процессуальное законодательство, постановления Конституционного Суда РФ, дан критический анализ фактической невозможности возбуждения уголовного дела и проведения следственных действий в отношении судьи. Затронуты вопросы совести, морали, ответственности с позиций социологии, философии, общечеловеческих ценностей.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, нормативное регулирование, ответственность, судья, совесть.

Abstract: the article is dedicated to the question of regulatory control of the judge's responsibility while taking a decision upon the criminal case. The author analyses the applicable criminal procedural legislation, resolutions of the Constitutional Court of Russian Federation and presents the critical analyse of the practical impossibility of the criminal proceeding initiation and investigating actions towards the judge. The author touches upon the questions of conscience, morals and responsibility from the position of sociology, philosophy and universal human values.

Key words: criminal proceeding, regulatory control, responsibility, judge, conscience.

«Судья, в том числе после прекращения его полномочий, не может быть привлечен к какой – либо ответственности за выраженное им при осуществлении правосудия мнение и принятое судом решение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность судьи в преступном злоупотреблении либо вынесении заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта» (ч. 2 ст. 16 Закона «О статусе судей в Российской Федерации»).

Решение по вопросу о возбуждении уголовного дела в отношении судьи либо о привлечении в качестве обвиняемого по другому уголовному делу принимается председателем Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации на основании заключения судебной коллегии в составе трех судей о наличии в действиях судьи признаков преступления и с согласия квалификационной коллегии судей соответствующего субъекта Российской Федерации (ч. 3 ст. 16 Закона). Судья, задержанный по подозрению в совершении преступления или по иному основанию либо принудительно доставленный в любой государственный орган, если

личность судьи не могла быть известна в момент задержания, после установления его личности подлежит немедленному освобождению. Личный досмотр судьи не допускается (ч. 5 ст. 16 Закона, ст. 449 УПК РФ). Решение об избрании в отношении судьи в качестве меры пресечения заключения под стражу принимается судебной коллегией в составе трех судей соответствующего суда по ходатайству Председателя Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации с согласия соответствующей квалификационной коллегии судей (ч. 6 ст. 16 Закона, ст. 450 УПК РФ). Осуществление в отношении судьи оперативно-розыскных мероприятий, а также следственных действий (если в отношении судьи не возбуждено уголовное дело либо он не привлечен в качестве обвиняемого по уголовному делу), связанных с ограничением его гражданских прав либо с нарушением его неприкосновенности, допускается не иначе как на основании решения, принимаемого судебной коллегией в составе трех судей соответствующего суда (ч. 7 ст. 16 Закона, ст. 450 УПК РФ).

Нетрудно заметить, что законодатель установил (прежде всего для себя) для судей и иной социальной прослойки общества порочный с точки зрения логики круг: возбуждение уголовного дела невозможно, так как не собраны доказательства преступной деятельности этих лиц, а доказательства невозможно собрать, так как не возбуждено уголовное дело. Более того, невозможно проведение следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий по обнаружению и закреплению доказательств в виновности судьи, еще раз подкрепляющей невозможность возбуждения против него уголовного дела (ч. 6 ст. 16 Закона). Сплошное нагромождение «невозможностей», при котором, как отмечено в юридической литературе, «депутатский корпус и судейское сообщество явно заняли позицию обороны от сограждан, которых они призваны защищать»¹.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 25 января 2001 г. №1–П указал, что «разграничение незаконных решений, принятых в результате не связанной с виной ошибки судьи и его неосторожной вины, представляет собой трудновыполнимую задачу. Поэтому участник процесса, в интересах которого судебное решение отменяется или изменяется вышестоящей инстанцией, может считать, что первоначально оно было постановлено не в соответствии с законом именно по вине судьи». Поэтому, признавая, что «вред, причиненный при осуществлении правосудия возмещается в случае, если вина судьи установлена приговором суда, вступившим в законную силу», Конституционный Суд указывает, что «данное положение в его конституционно-правовом смысле ... и во взаимосвязи со статьями 6 и 41 Конвенции по защите прав человека и основных свобод не может служить основанием для отказа в возмещении государством вреда, причиненного... в результате незаконных действий (или бездействия) суда (судьи) ... если вина судьи установлена не приговором суда, а иным соответствующим судебным решением».

¹ Бойков А. Д. Третья власть в России. Очерки о правосудии, законности и судебной реформе 1990–1996-х гг. М., 1997. С. 193.

ем», предлагая при этом Федеральному Собранию «в законодательном порядке урегулировать основания и порядок возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) суда (судьи), а также определить подведомственность и подсудность дел...»².

Основная мысль Конституционного Суда РФ сводится к тому, что отправление правосудия является особым видом осуществления государственной власти. Учитывая невозможность разграничения незаконных решений, принятых в результате не связанной с виной ошибки судьи и его неосторожной вины, за вред, причиненный при осуществлении правосудия при рассмотрении дела по существу, государство принимает ответственность на себя независимо от личной вины судьи, установленной приговором суда или иным соответствующим судебным решением.

В постановлении от 28 февраля 2008 г. № 3-П Конституционный Суд РФ более четко формулирует эту же мысль: «Анализируя конституционно-правовую природу ответственности государства за вред, причиненный при осуществлении правосудия, судья в условиях состязательного процесса дает собственное толкование нормы права, принимает решение в пределах предоставленной ему законом свободы усмотрения (иногда весьма значительной) и зачастую оценивает обстоятельства, не имея достаточной информации (иногда скрываемой от него). При столь большой зависимости результата осуществления правосудия от судебской дискреции разграничение незаконных решений, принятых в результате не связанной с виной ошибки судьи и его неосторожной вины, представляет собой трудновыполнимую задачу»³. И далее в этом же постановлении: «...судья не может быть привлечен к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий судьи за судебную ошибку, если только неправосудность судебного акта не явилась результатом такого поведения судьи, которое по своему характеру несовместимо с занимаемой им должностью». Очевидно, при совершении судьей должностного преступления, за которое механизм привлечения настолько усложнен и запутан, что делает реализацию невыполнимой. Позиция Конституционного Суда, откровенно поощряющего судебные ошибки в одном месте своего постановления (п. 3.1), не соответствует другим его разъяснениям: «Несменяемость и неприкосновенность судьи, будучи элементами его конституционно-правового статуса и одновременно гарантиями самостоятельности и независимости, судеб-

² По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. В. Богданова, А. Б. Зернова, С. И. Кальянова и Н. В. Труханова : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 25 января 2001 г. №1-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ По делу о проверке конституционности ряда положений статей 6.1 и 12.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и статей 21, 22 и 26 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Г. Н. Белоусовой, Г. И. Зиминой, Х. Б. Саркитова, С. В. Семак и А. А. Филатовой : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 28 февраля 2008 г. № 3-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ной власти, являются не личной привилегией гражданина, а средством защиты публичных интересов, прежде всего интересов правосудия, цель которого – защита прав и свобод человека и гражданина (статья 18 Конституции Российской Федерации), и не только не исключают, но и предполагают повышенную ответственность судьи за выполнение им профессиональных обязанностей, соблюдение законов и правил судейской этики (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 7 марта 1996 года №6-П и от 19 февраля 2002 года №5-П)⁴.

О какой повышенной ответственности судьи за выполнение профессиональных обязанностей ведет речь Конституционный Суд Российской Федерации? Что следует понимать под этим термином?

В образовании понятия «ответственность» отражается специфическая телеология (достижение цели). При осмыслении ответственности в структуре деятельного акта возможны различные акцентировки: перспективная (позитивная) и ретроспективная (негативная), которые исключая друг друга, находятся в диалектическом единстве. Формальные особенности целей, которые преследует каждая из них, выстраивают два вида ответственности: такое свойство (качество) деятельности, которая полностью соответствует интересам правосудия на основе добросовестного использования предусмотренных законом прав и выполнения обязанностей (позитивная), и деятельность, влекущая судебную ошибку или предумышленное либо неосторожное процессуальное правонарушение, вызывающее необходимость применения санкций (негативная).

Эта двойственность в образовании понятий заложена в определении, сформулированном в Философском словаре: «Категория ответственность обнимает философскую и социологическую проблему соотношения способности и возможности человека выступать в качестве субъекта своих действий и более конкретные вопросы: способность человека сознательно (добровольно, намеренно) выполнять определенные требования и осуществлять стоящие перед ним задачи; совершать правильный моральный выбор; достигать определенного результата, а также связанные с этим вопросы правоты или виновности человека, возможности одобрения или осуждения его поступков, вознаграждения или наказания»⁵. В Политической энциклопедии читаем: «Ответственность базируется на взаимодействии субъектов в сфере политики, основанном на необходимости выполнения взаимных обязательств и совместно установленных правил, а также готовности применения санкции в случае их нарушения»⁶.

Первому виду ответственности, как видим, принадлежит генерализирующее значение, так как он отражает ту особенность понятийной структуры, которая отвечает целям общего родового понятия. В силу этого мы не можем согласиться с позицией, сформулированной в Российской юриди-

⁴ Там же.

⁵ Философский словарь / под ред. И. Г. Фролова. М., 2001. С. 502–503. См. также: Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. М., 1998. С. 355–356.

⁶ Политическая энциклопедия : в 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 93.

ческой энциклопедии, согласно которой: «Юридическая ответственность в отличие от других видов ответственности всегда связана с государственным принуждением, с практическим применением установленных законом санкций. Юридическая ответственность всегда влечет за собой не только общественное, но и государственно-правовое осуждение поведения лица, нарушившего закон»⁷. Тем самым автор (М. Н. Марченко) отказывает участникам судопроизводства, и прежде всего лицам, ведущим процесс, в необходимости действовать ответственно (недостаточно ответственно или безответственно). А именно формальные особенности целей, которые преследует и достигает в процессе деятельности субъект, выстраивают два вида ответственности и социальную ценность каждого из них.

Вместе с тем изложенная позиция является точкой зрения подавляющего большинства юристов – ученых и практиков, которые традиционно привыкли именовать ответственностью расплату за безответственность, выразившуюся в умышленном или неосторожном совершении преступления, правонарушения, гражданско-правового деликта. Одновременно они не могут отрешиться от общеупотребительного понимания ответственности как определенного состояния личности, при котором она проявляет свою ответственность за выполнение профессиональных обязанностей, о чем свидетельствует процитированное постановление Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2008 г. № 3-П.

Главным в трактовке является философско-социологическое понятие, отражающее объективный, исторически конкретный характер взаимоотношений личности, общества и государства с точки зрения сознательного осуществления взаимных требований. Независимо от сферы деятельности (юриспруденция, политика, медицина, педагогика и др.) у индивида ответственность формируется как результат тех внешних требований, которые к нему предъявляет государство, общество, коллектив. Воспринятые индивидом, они становятся внутренней основой мотивации его ответственного поведения, регулятором которого служит совесть, т.е. способность индивида осуществлять самоконтроль и производить самооценку совершаемых действий, поведения, поступков.

Поскольку совесть служит регулятором общественного поведения, то совершенно очевидно законодатель говорит о позитивной ответственности, устанавливая в ст. 17 УПК РФ принцип – установку: судья оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

Что же такое совесть судьи, которой ему надлежит руководствоваться, и какова ее роль в структуре ответственного поведения, т.е. в структуре позитивной ответственности?

В философии, психологии и социологии совесть определяется как одно из выражений нравственного самосознания личности. Будучи системным

⁷ Российская юридическая энциклопедия / гл. ред. А. Я. Сухарев. М., 1999. С. 1098.

компонентом сознания человека и человеческой психики в целом, совесть обеспечивает возможность регулировать и контролировать эмоциональные, рациональные и предметно-практические отношения человека с действительностью, определять ценностные ориентиры бытия, ставить цели и разрабатывать планы, предвещающие его деятельность. Совесть представляет собой внутренний мир чувств, мыслей, идей и других духовных феноменов, которые непосредственно не воспринимаются органами чувств и не могут стать объектами предметно-практической деятельности ни самого человека, ни окружающих людей. В этом онтологическом аспекте наличие и существование совести выражается понятием «субъективная реальность». В аксиологическом аспекте категория субъективная реальность выражает ценностное отношение к действительности, а в праксеологическом плане – духовную активность, целеустремленность и волю. В психологии совесть связывается со способностью субъекта рационального осознания нравственного значения совершаемых им действий и эмоциональных переживаний (угрызения совести)⁸.

В силу того, что закон, формулируя требования, предъявляемые к судье, предписывает ему «избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности» (ч. 2 ст. 3 Закона «О статусе судей в Российской Федерации»), он не должен обременять свою совесть эмоциональными переживаниями. Совесть судьи должна проявляться только в форме рационального осознания нравственного значения совершаемых им действий и принимаемых по уголовному делу решений. Однако, усматривая в этом лишь рациональную сторону (знания, взгляды, идеи), нельзя понять регулятивной функции совести, которая немыслима без эмоционально-волевого компонента. Социально-правовая психология в целом отнюдь не иррациональна. Она включает правовоззренческие компоненты в виде убеждений, верований, идеалов, установок, привычек, традиций. Благодаря им правовая психология с входящей в нее судейской совестью становится действенной или бездейственной.

В философии рациональность (разум) трактуется в качестве необходимой логической системы, данной в виде правил, определяющих способность познавать мир и создавать достоверные знания. Сама эта способность большинству рационалистов представляется врожденным качеством. С позиций такого подхода эмоциональные и волевые начала приводят к неистинным знаниям, искажают истину в угоду чувствам и неправильно сформулированным волей целям и задачам (Сократ, Платон, Аристотель, Спиноза). В XVIII в. И. Кант своим признанием роли чувственности в познании, с которой, как он считал, и начинается этот процесс, ослабил спор по вопросу о происхождении и сущности наших знаний. Разум, согласно Канту, выступая в своих практических функциях,

⁸ См.: Психология : словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М., 1990. С. 366.

дает человеку «законы свободы», т.е. моральные принципы, возвышающие человека над миром природы⁹.

Сам по себе разум (рационализм) как инструмент получения, безусловно, достоверного знания не отвергает в принципе роли чувственного познания в качестве механизмов связи разума с миром. Познавая действительность, люди не остаются равнодушными к полученным знаниям. Они соотносят их с интересами, потребностями и целями деятельности, оценивают их. Оценка – это сравнение, в результате которого субъект выбирает то, что наиболее соответствует интересам и ценностям его сознания (совести). Профильтрованные через личный опыт и правовую практику субъекта познаваемые им стороны и явления правовой жизни вызывают к себе определенные отношения, значимые для личности. Отношение к правовым ценностям выражаются в оценочных суждениях, а пусковым механизмом является волевой компонент, формирующий готовность действовать в определенном направлении. Процесс выбора и обоснования решения, оценки и мотивации действия (поведения) сопровождается эмоциональными переживаниями. Правовые убеждения – это не просто логически обоснованные знания фактических обстоятельств и правовых предписаний о том, что дозволено и запрещено, должно и недопустимо в отношении участников уголовного судопроизводства. Это еще и знания, ярко окрашенные эмоционально, идеи, «к которым разум приковывает нашу совесть, – это узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца»¹⁰.

Эти сложные интеллектуально-эмоционально-волевые образования, формирующие установки судьи при принятии решений по уголовному делу, не сводятся только к руководству законом и совестью, а отражают рациональную сторону (знания, взгляды, идеи – познавательную сферу) и эмоционально-волевые компоненты, соответствующие оценочной (совесть) и регулятивной (воля) функциям. Познавая действительность, исследуя обстоятельства совершенного преступления, судья не остается равнодушным к полученным знаниям. Он соотносит их с прошлым опытом, интересами, целями деятельности, т.е. оценивает. Оценка стоит между познанием и принятием решения. Это – всегда сравнение, в результате которого судья выбирает вариант решения, наиболее соответствующий интересам и ценностям его сознания. Волевой компонент играет роль движущего механизма деятельности и практической реализации принятого решения.

В силу высказанных суждений представляется малопродуктивной идея законодателя произвести замену такого сложного интеллектуально-эмоционально-волевого образования, как правосознание, при оценке доказательств на один из его компонентов – совесть – способность само-

⁹ См.: Кант И. Критика чистого разума // Соч. М., 1964. Т. 3. С. 340–695; *Его же*. Критика практического разума // Соч. : в 6 т. М., 1965. Т. 4, ч. 1. С. 311–501; Гегель Г. Философия духа // Соч. М., 1956. Т. 3. С. 228–239; 280–291.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 118.

контроля и самооценки совершаемых действий или эмоциональных переживаний при угрызении совести. Правосознание как сфера общественного (индивидуального) сознания не может сводиться к какой-то одной системе представлений. Функционирование правосознания отражает правовую действительность в форме юридических знаний, идей, представлений, правовых установок и ценностных ориентаций. С точки зрения предмета отражения индивидуальное правосознание включает в себя внутренний мир чувств, мыслей в форме совести и ответственности, воли, целеустремленности и иных качеств личности, которые непосредственно не воспринимаются органами и являются ее духовным феноменом.

Поведение судьи при рассмотрении уголовного дела и принятии решения по нему регулируется многими факторами, побудительными силами: правовыми нормами, совестью, долгом, честью, чувством личной ответственности. Сознание ответственности перед обществом, государством, самим собой – необходимое свойство личности судьи, так как отражает его отношение к общественным ценностям. Исходной точкой ответственности судьи является взаимодействие между результатом принятого по уголовному делу решения и его социальным резонансом. Чувство ответственности детерминируется принципом обратной связи – воздействием результатов судебской деятельности на судьбы людей. Специфическое требование ответственности судьи перед обществом выражается через чувства долга и совести, которые являются не просто отражением наличного бытия. «Это результат гигантской, осуществляющейся всю сознательную жизнь переработки внешних воздействий в котле разума, согреваемого огнем чувств»¹¹.

Между тем ответственность значительно шире чувства долга и совести и как бы включает их в свою структуру. Исходя из разработанной в научной литературе структуры ответственности, в нее входят: «1) требования, предъявляемые законодателем к участникам уголовного судопроизводства в виде прав и обязанностей; 2) осознание их субъектами (правосознание); 3) система мер, обеспечивающих реализацию требований (правоприменение); 4) оценка выполнения предъявляемых требований»¹².

Судья несет ответственность лишь за то, что находится в пределах его прямого или косвенного влияния, если перед ним выдвигаются законодателем требования, если пределы его свободы при выборе решения очерчены полномочиями, правовым статусом. Личная ответственность проявляется через бесконечное многообразие действий, выполненных судьей в рамках предусмотренных законом полномочий, очерченных пределами прав и обязанностей.

Осознание требований – это понимание смысла совершаемых действий и их последствий. Оно является необходимым средством управления государством, обществом, поведением судьи через его индивидуальное сознание (правосознание).

¹¹ Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М., 1972. С. 294.

¹² Коврига З. Ф. Свобода личности и ответственность в уголовном судопроизводстве // Правоведение. 1987. № 5. С. 63.

Кроме оценки деятельности судьи со стороны государства, общества в лице вышестоящих судебных инстанций и специальных структур в судебной системе, судья лично осуществляет самоконтроль и самооценку совершаемых действий и принятых решений. Внутренним судьей является его совесть. Следовательно, совесть как метод руководства при оценке доказательств входит в сферу уголовного судопроизводства не самостоятельно, а как компонент ответственности, которая отдельными структурными элементами входит в сложнейшее интеллектуально-эмоционально-волевое образование, каким является правосознание судьи. Известный артист Георгий Бурков записал в своем дневнике: «Добрый ли я? Многие скажут, что да, добрый. И знающие меня близко, и знающие по картинам. Но это не совсем так. Просто мне стыдно. За что? За кого? А ни за что, ни за кого. Или за всех. Вот что роднит меня с большинством, делает меня народным»¹³. Г. Бурков не был судьей, но его духовный мир создал социальный образец, на который он, очевидно, не претендовал.

Чувство стыда, совестьливость – неотъемлемое свойство общественно развитой личности, ответственность которой предполагает активность сознания человека, способность моделировать будущие возможные ситуации и предполагаемые результаты деятельности в их достойном выражении. Как парадокс общесоциальному пониманию и трактовке ответственности в отечественной и зарубежной юриспруденции отпочковалось совершенно противоположное ее понимание, в котором юридической ответственностью именуется последствия безответственного поведения личности в виде мер государственного принуждения, обязанности претерпеть лишения за совершенное правонарушение. То есть за действия, совершенные человеком, лишенным чувства ответственности, лишенным совести. Это понимание юридической ответственности достаточно глубоко разработано юридической наукой и лежит в основе законодательства. Согласно ст. 8 УК РФ: «Основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления...». Согласно ч. 1 ст. 5 УК РФ, лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействия) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Вместе с тем, говоря о совести, которой следует руководствоваться лицам, ведущим процесс при оценке доказательств (ст. 17 УПК РФ), законодатель имеет в виду не что иное, как общесоциологическое (философское, психологическое) понимание ответственности в ее позитивном общечеловеческом качестве (свойстве) личности судьи.

Имеет ли судья право на безответственное поведение, на поступки и действия, свидетельствующие об отсутствии у него совести, т.е. на совершение правонарушения? Очевидно, нет, как и всякий добропорядочный, законопослушный гражданин планеты. Однако разные отрасли права предусматривают различные последствия в случае нарушения запрета. Так, Уголовный кодекс РФ предусматривает уголовную ответственность

¹³ Джоржоне из Перми. Георгий Бурков // Интервью. 2009. № 4. С. 102.

судьи (судей) за вынесение заведомо неправосудного приговора, решения или иного судебного акта (ст. 305 УК РФ). Закон «О статусе судей в Российской Федерации» предусматривает ответственность судьи за совершение дисциплинарного проступка (нарушение норм настоящего Закона, а также положений кодекса судейской этики) в виде предупреждения и досрочного прекращения полномочий судьи. Уголовно-процессуальный кодекс предусматривает возможность отмены приговора или иного обжалуемого судебного решения или изменения приговора или иного обжалуемого решения в случае: 1) несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой или апелляционной инстанции; 2) нарушения уголовно-процессуального закона; 3) неправильного применения уголовного закона; 4) несправедливости приговора (ст. 378, 379 УПК РФ).

Таковы заслоны, выставленные законодателем против безответственного поведения судей, принимающих несправедливые решения по уголовным делам. И дело, – как отмечал еще В. Л. Соловьев, – «не в случайной одинаковости терминов, а в однородности и внутренней связи этих самих понятий»¹⁴. О действенности средств противостояния свидетельствует как количество отмененных и измененных судебных решений, привлеченных к дисциплинарной и уголовной ответственности судей, так и соотношение этих показателей с количеством законных и обоснованных решений и добросовестными судьями, выносящими справедливые решения по уголовным делам в целом.

¹⁴ Соловьев В. Л. Оправдание добра // Соч. : в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 447.

Воронежский государственный университет

Панько Н. К., кандидат юридических наук, доцент

E-mail: kuznetsov@dkcompany.ru

Тел.: 8-960-139-43-55

Voronezh State University

Panko N. K., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

E-mail: kuznetsov@dkcompany.ru

Tel.: 8-960-139-43-55